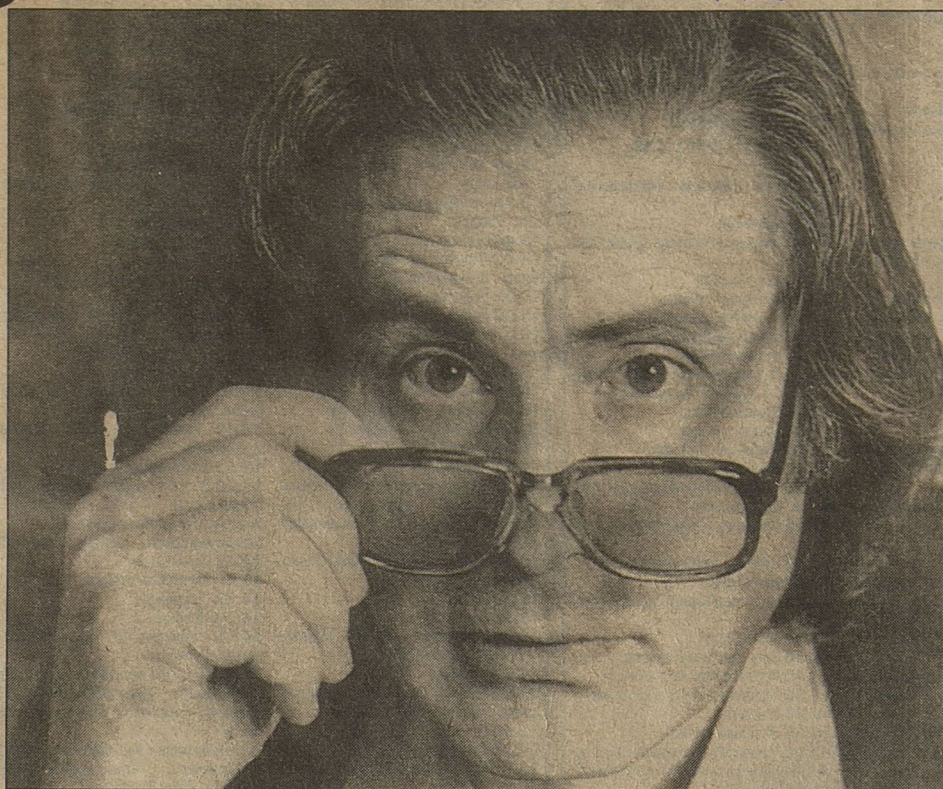

Моск. новости - 1994 - 16-23 окт (№48)

418

В поисках утраченного времени

Заметки с фестиваля Альфреда Шнитке

ЮБИЛЕЙ

XX век начал с всеобщей переоценки. Что ни произведение, то путешествие к неведомым берегам: «Черный квадрат» Малевича, «Лунный Пьеро» Шенберга, «Улисс» Джойса... Символ века — роман-эпопея Марселя Пруста «В поисках утраченного времени» тщетно взывает к определенности и упорядоченности бытия. Время рассыпается, почва уходит из-под ног, нить ускользает, связь прерывается...

Завершается век, и ключевым его словом вновь становится religio — восстановление связи. Связи с Богом, с прошлым и будущим, с утерянной некогда верой. Иные продолжают разрушать, упиваясь иллюзией новизны, другие стремятся возродить ушедшее. Среди них и композитор Альфред Шнитке, чье шестидесятилетие отмечает весь мир и в честь которого проходит фестиваль в Большом зале московской консерватории.

Его душа родом из Вены, где великие тени Моцарта, Шуберта, Малера благословили его, подростка из беспмятного города Энгельса. Всю жизнь он заклинает эти тени, вызывает их своей музыкой, будто желает оживить канувшее прошлое. Но тщетно... В симфониях, сонатах и концертах Шнитке речь героя стеснена и обрывочна, возгласы и вздохи, стоны и рыдания выдают душевный разлад. Каждая интонация созидает себя заново, нащупывая звук. Мелодии — знака душевной цельности — нет как нет. Растерянное и отчаявшееся «я» с мучительным напряжением ищет точку опоры в бесконечных монологах.

Мир вокруг поражает пестротой и хаотичностью. Его образы мелькают у Шнитке, как кадры киноленты: портреты, сцены, пейзажи... То простодушный солдатский наигрыш, то буфонный марш, то прощальное танго в парке или старинный мэнуг. Музыка наших мам и бабушек влечет как символ невозвратного прошлого, как оковы исчезнуть старый фильм. Ускользающие сны наяву, «сладкие грезы» почти по Чайковскому распадаются на глазах, погружаются в хаос. Мир чужой гармонии, построенный классиками, не спасает и не радует.

В музыке Шнитке живет рефлексирующий интеллигент второй половины века, выросший в коммунистической России. Он принадлежит очередному «потерянному поколению», которое для свершений Великой Отечественной и сопротивления сталинизму оказалось слишком молодым. «Богатыри не вы» — таков упрек поколения Шостаковича и Шаламова поколению Шнитке. Не свершение и деяние, но вечные поиски себя, не созидательная работа, но сетования по поводу собственной нереализованности, отсутствие выхода, тупик...

Стихийное время музыки Шнитке, в отличие от времени Бетховена, Чайковского, Шостаковича, не подчиняется автору и не строится по его воле. «Я не могу созидать свою жизнь, открыть в ней цель и путевод-

ную нить», — так мог бы сказать герой Шнитке вместе с Гвидо Ансельми из «Восьми с половиной». Разорванное время Альфреда Шнитке мы видим в фильмах Феллини, Антониони, Бергмана. Это время принципиально неклассично: оно то застывает на одной точке, то поворачивает вспять, то растекается, распадается на осколки.

Мятущаяся неупорядоченная эпоха словно бежит впереди самой себя. Душа не видит опоры «здесь и теперь», она будто рвется в небытие, хочет уйти «туда, туда», но не способна проложить путь из хаоса в осмысленное существование. Не потому ли в музыке Шнитке так много отзвуков из другого мира, которые он с такой жадностью улавливает. Как он любит мадригалы, произведения памяти друзей, разнообразные in memoriam, как выразительны его отлетающие в небеса финальные созвучия, единым вздохом разрешающие все противоречия...

Не потому ли так дорог нам герой Шнитке, что он как будто изживает наш «комплекс нереализованности», наше чувство потерянности и тоски. Он созидает сам себя, он ищет свое внутреннее «я», лелеет его как единственное прибежище в окружении всеобщей бессмыслицы, он все время в становлении, в пути без цели.

Искусство Шнитке «сделано в СССР», но, как все великое, оно имеет всеобщее значение. И homo soveticus, и человек Запада в XX веке, как оказалось, страдают от общего чувства отчуждения, одиночества и оторванности от мира. Гениальной интуицией художника Шнитке удалось создать универсальный тип эпохи, и потому сегодня он самый исполняемый в мире композитор.

Музыка Шнитке завершает XX век. Она замкнута в мире единственной души, основной арены событий постромантического искусства. Обрести утраченное время — значит вырваться за эти рамки, усилием воли устанавливая равновесие между мыслями и поступками, идеями и деяниями. Символична привязанность Шнитке к гетевскому Фаусту, пытавшемуся остановить ускользающее мгновение. И как знать, не услышим ли мы в музыке Шнитке на излете столетия вновь обретенное классическое время, время созидующее и устремленное только вперед...

Дина КИРНАРСКАЯ